

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 17, Is. 1, Pp. 190–212, 2024
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94(571.56)

DOI: 10.22162/2619-0990-2024-71-1-190-212

«Печально зимой в Булуе»: А. В. Боголепов о повседневности заполярной Якутии в 1913–1916 гг.

Лилия Иннокентьевна Винокурова¹, Александр Альбертович Сулейманов²,
 Святослав Игоревич Федоров³

¹ Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (д. 1, ул. Петровского, 677027 Якутск, Российская Федерация)
 кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
 0000-0002-5779-6893. E-mail: lilivin@mail.ru

² Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (д. 1, ул. Петровского, 677027 Якутск, Российская Федерация)
 кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
 0000-0001-8746-258X. E-mail: alexas1306@gmail.com

³ Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (д. 1, ул. Петровского, 677027 Якутск, Российская Федерация)
 младший научный сотрудник
 0000-0002-8610-3689. E-mail: fedorov.si@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2024

© Винокурова Л. В., Сулейманов А. А., Федоров С. И., 2024

Аннотация. *Целью* статьи является презентация научному сообществу неизвестной рукописи политического ссыльного А. В. Боголепова «Селение Булун Верхоянского округа Якутской области», подготовленной им во время отбывания наказания в отдаленном арктическом населенном пункте. Рукопись, составленная до революционных событий 1917 г., интересна своей идеологической неангажированностью, сдержанной нейтральностью наблюдений за повседневной реальностью малого северного поселения Якутии. Текст А. В. Боголепова привлекателен широтой освещаемых вопросов, созвучностью тем социальным и культурным проблемам, которые существовали в актуальном дискурсе передовой общественности того периода. В связи с этим представляется обоснованной публикация выявленного документа с дальнейшим обсуждением в междисциплинарном поле. *Материалы и методы.* Рукопись выявлена в Государственном архиве Иркутской области в 2023 г. Содержание текста придало авторскому коллективу импульс на поиски информации об авторе рукописи, который привел к ряду находок в Государственном архиве Алтайского края (г. Барнаул), Государственном архиве Красноярского края (г. Красноярск), Национальном архиве Республики Саха (Якутия) (г. Якутск) и Санкт-Петербургском филиале Архива РАН. Методологической основой разработки темы стало применение принципов, заложенных в разрабатываемом авторами направлении научного поиска — антропологии холода. *Результаты.* Обнаруженные материалы открывают ранее неизвестную страницу в якутском досоветском североведении. Рукопись А. В. Боголепова бо-

гата широким кругом сведений о природных условиях, экономической и культурной жизни в отдаленном маленьком поселении, представляющем своеобразный заполярный мир. Автор освещает взаимопроникновение русской и якутской культур, специфические локальные социокультурные явления, диктуемые географическим расположением и климатическими особенностями. Длительный холодный период, отмечаемый А. В. Боголеповым, формирует весь жизненный цикл поселения: от него зависит функционирование транспортной сети, распорядок хозяйственных работ и торговых мероприятий, быт и досуг местных жителей. Подчеркивается замкнутость и скудость общественной активности, темпоральная и событийная «замороженность» повседневности северного социума. Рукопись является важным источником для исследований по антропологии холода, а также содержит ценную информацию по социально-экономической и культурной истории Якутии первых десятилетий XX столетия.

Ключевые слова: Арктика, Якутия, антропология холода, зимняя повседневность, северное село, политическая ссылка

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта «Антропология холода: естественные низкие температуры в системе жизнеобеспечения сельских сообществ Якутии (традиционные практики, вызовы современности и стратегии адаптации)» (№ 19-78-10088, <https://rscf.ru/project/19-78-10088/>). Авторы выражают благодарность В. Ю. Голомарева за техническую помощь при подготовке статьи.

Для цитирования: Винокурова Л. И., Сулейманов А. А., Федоров С. И. «Печально зимой в Булунае»: А. В. Боголепов о повседневности заполярной Якутии в 1913–1916 гг. // *Oriental Studies*. 2024. Т. 17. № 1. С. 190–212. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-71-1-190-212

‘*Bulun in Winter Is So Sad*’: A. Bogolepov about Everyday Life in Polar Yakutia, 1913–1916

Lilia I. Vinokurova¹, Alexander A. Suleymanov², Svyatoslav I. Fedorov³

¹ Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the RAS (1, Petrovsky St., 677027 Yakutsk, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Leading Research Associate

 0000-0002-5779-6893. E-mail: lilivin[at]mail.ru

² Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the RAS (1, Petrovsky St., 677027 Yakutsk, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

 0000-0001-8746-258X. E-mail: alexas1306[at]gmail.com

³ Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the RAS (1, Petrovsky St., 677027 Yakutsk, Russian Federation)

Junior Research Associate

 0000-0002-8610-3689. E-mail: fedorov.si[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Vinokurova L. I., Suleymanov A. A., Fedorov S. I., 2024

Abstract. Goals. The article introduces an unknown manuscript by A. Bogolepov titled ‘Bulun Village of Verkhoyansk District (Yakutsk Oblast)’ and compiled during an exile to the isolated Arctic locality of Yakutia. The narrative was written before the revolutionary events of 1917 and is of certain interest since it lacks any political bias, being characterized by restrained neutrality and sufficient depth of observations over everyday realities of the small northern settlement. A. Bogolepov’s text is attractive for the breadth of issues covered, its consonance with the social and cultural problems faced by the era and discussed by the advanced public. So, it seems reasonable enough to publish the identified document for further discussion in an interdisciplinary perspective. *Materials and methods.* The manuscript was discovered at the State Archive of Irkutsk Oblast (Coll. 293 ‘East Siberian Department of the Russian Geographical Society’). Furthermore, in search of additional data on the for-

mer's author we investigated the State Archive of Altai Krai (Barnaul), State Archive of Krasnoyarsk Krai (Krasnoyarsk), National Archive of Sakha-Yakutia (Yakutsk), Archive of the Russian Academy of Sciences (Moscow) and its St. Petersburg Branch, and the efforts have yielded a variety of precious finds. The methodological basis rests on the principles characteristic of the field the researchers are actually engaged in — cryoanthropology. *Results.* The discovered materials open a previously unknown page in the Yakut pre-Soviet Northern studies. A. Bogolepov's manuscript is rich in data on natural conditions, economic and cultural activities in the small remote settlement somewhat representing the polar world in miniature. The author highlights the interpenetration of Russian and Yakut cultures, mentions some specific local sociocultural phenomena resulting from the geographical location and climatic features. The long cold period — as is stressed by A. Bogolepov — shapes the entire life cycle of the settlement: it completely determines the functioning of the transport network, household and trade agendas, everyday life and leisure pursuits of locals. The isolation and scarcity of social activity, temporal and event-based 'frozen' everyday life of the northern society are emphasized. The manuscript is an important source for the research of cryoanthropology, and also contains valuable information on Yakutia's socioeconomic and cultural history throughout the early decades of the twentieth century.

Keywords: Arctic, Yakutia, cryoanthropology, winter everyday life, northern village, political exile

Acknowledgments. The reported study was funded by Russian Science Foundation, project no. 19-78-10088 'Cryoanthropology: natural low temperatures in the life support system of rural communities of Yakutia (traditional practices, modern challenges and adaptation strategies)'. Available at: <https://rscf.ru/project/19-78-10088/>. The authors extend their gratitude to V. Golomareva for valuable technical assistance.

For citation: Vinokurova L. I., Suleymanov A. A., Fedorov S. I. 'Bulun in Winter Is So Sad': A. Bogolepov about Everyday Life in Polar Yakutia, 1913-1916. *Oriental Studies*. 2024; 17(1): 190-212. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-71-1-190-212

1. Введение

Рукопись А. В. Боголепова «Селение Булун Верхоянского округа Якутской области» хранится в фонде 293 Государственного архива Иркутской области, в котором отложились материалы Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества, и впервые была бегло просмотрена одним из авторов данной статьи в 2018 г. Спустя 4 года в ходе повторного и более глубокого ознакомления с текстом содержание работы вызвало интерес своей информативностью и вдохновило на дальнейшие поиски по персоналии автора (рукопись подписана просто как «Боголепов», сопровождающие или поясняющие записи отсутствуют). В результате обнаружили единичные документы, проливающие свет на личность и драматичную судьбу А. В. Боголепова. Обнаруженные материалы открывают ранее неизвестную персональную страницу в досоветском якутском североведении, достаточно насыщенном трудами исследователей этнографии и культуры коренных народов края.

Среди этих работ были и исследования, в которых в том числе рассматривались раз-

личные социально-экономические аспекты развития Булуна. К примеру, интересное описание села представил А. А. Бунге, участник Ленской полярной экспедиции 1882–1884 гг., основной задачей которой являлась организация в рамках Первого Международного полярного года станции на острове Сагастыр в дельте Лены и наблюдения на ней. По пути к этому острову из Якутска участники экспедиции посещали расположенные по берегам р. Лены населенные пункты, включая Булун, который был отнесен исследователем к «одному из значительных селений по Лене» [Бунге 1895: 13]. А. А. Бунге отметил роль этого села как важного транспортно-логистического хаба, в том числе в обеспечении снабжения экспедиции, а также его торговое значение, кратко описал встреченные строения; он упомянул о разразившейся в Булуна в период работы исследователей на Сагастыре эпидемии оспы [Бунге 1895: 13–96].

Еще одну характеристику Булуну дал посетивший его летом 1897 г. журналист А. А. Бычков, который освещал рыболовный промысел в низовьях р. Лены. Значитель-

ное внимание он уделит анализу развития торговли в интересующем нас селе [Бычков 1899: 74]. Преимущественно торговому делу была посвящена и работа сосланного в 1910 г. на 5 лет в Якутию эсера В. М. Зензинова, прошедшего некоторое время в Булуне [Зензинов 1916: 4–5].

Однако все эти труды фактически являлись точкой зрения стороннего наблюдателя. А. В. Боголепов же прожил в Булуне почти 4 года. В результате в представленной далее рукописи содержатся, с одной стороны, рефлексии человека, который ранее находился в совершенно иной среде (речь идет не только и не столько о свободе / не-свободе) и смотрел на окружающую его действительность «незамыленным» взглядом, с другой — за годы жизни в данном селе он достаточно глубоко погрузился в его этнокультурную специфику и проникся ею, сумел «нащупать» те особенности из жизни булуңцев, которые, вероятно, ускользали от глаз исследователей, работавших в Булуне сравнительно непродолжительное время.

В силу всего указанного текст А. В. Боголепова представляет ценность в качестве персонального документа глубокого социального звучания, остающегося актуальным в научном дискурсе. С учетом узости круга письменных источников по истории и культуре заполярных окраин России периода начала XX в. публикация выявленного документа должна вызвать интерес у специалистов целого ряда дисциплин.

2. Материалы и методы

В ходе реализации поддержанного Российским научным фондом проекта № 19-78-10088 «Антропология холода: естественные низкие температуры в системе жизнеобеспечения сельских сообществ Якутии (традиционные практики, вызовы современности и стратегии адаптации)» была проведена достаточно серьезная работа по выявлению материалов, освещающих многомерное воздействие фактора холода на жизнедеятельность сельских сообществ Якутии. В ее рамках, помимо Государственного архива Иркутской области, в архивохранилищах Алтайского и Красноярского краев, Республики Саха (Якутия), а также г. Санкт-Петербурга авторы статьи обнаружили документы, характеризующие жизненный путь А. В. Боголепова, включая тот его этап,

который связан с отбыванием им ссылки в Якутии. Для создания более широкой панорамы жизни в Булуне, интеграции в нее политических ссыльных авторы задействовали также материалы, выявленные в ходе работы с фондами Архива РАН (г. Москва).

Методологической основой разработки темы стало применение принципов, заложенных в разрабатываемом авторами направлении научного поиска — антропологии холода. Работы в рамках антропологии холода являются попыткой осмыслить роль холода в формировании традиционной культуры коренных народов Российской Арктики и его позиций в современном пространстве жизнедеятельности. Наряду с этим при анализе текста рукописи был задействован комплекс специальных методов исторического познания: историко-генетический и историко-сравнительный, методы историографического и источниковедческого анализа.

3. Северное поселение Якутии первых десятилетий XX в. глазами политического ссыльного А. В. Боголепова

3.1. Анатолий Васильевич Боголепов: трагедия человеческой судьбы или путь в науку «благодаря» ссылке, который не состоялся

В известном «Архипелаге ГУЛАГ» А. И. Солженицына при описании судьбы будущего доктора филологических наук, крупнейшего советского специалиста по языку юкагиров и нивхов Е. А. Крейновича, отбывавшего в 1930–1940-е гг. заключение в лагере на территории современной Магаданской области, приведена любопытная ремарка: «...если раньше народовольцы становились знаменитыми языковедами благодаря вольной ссылке, то Е. А. Крейнович сохранился им, несмотря на сталинский лагерь: даже на Колыме он пытался заниматься юкагирским языком» [Солженицын 2006: 416].

Возможно, если бы А. В. Боголепов, рукописи которого посвящена данная статья, мог быть сослан в Якутскую область¹ несколько раньше, чем это произошло, то и он стал бы достаточно заметным исследователем-североведом. Однако практически все

¹ В Российской империи в рассматриваемый в статье период Якутия имела статус области в составе Иркутского генерал-губернаторства.

последнее поколение политических ссыльных в Якутию в имперский период истории России, в той своей части, которая не относилась к партии большевиков и оставалась жить после 1917 г. в стране, по понятным причинам не получило широкого признания ни на научном поприще, ни в других областях деятельности. В этой связи показательно, что имя А. В. Боголепова даже не упоминается в известных нам работах, посвященных истории политической ссылки в Якутии.

Свет на важнейшие страницы биографии А. В. Боголепова проливают его «расстрельное дело», сохранившееся в Государственном архиве Алтайского края, а также отдельные документы из фондов Государственного архива Иркутской области, Государственного архива Красноярского края и Санкт-Петербургского филиала Архива РАН. Из них следует, что будущий исследователь повседневности арктического села Булун родился 17 августа 1889 г.¹ сравнительно (во всяком случае, по отношению к подавляющему большинству других политических ссыльных в Якутию) недалеко от этих мест — в «северной тайге в Енисейской губернии». Позднее А. В. Боголепов окончил 4-классное городское училище в Енисейске, и это было его единственное образование на момент ссылки в Якутию [ГА АК. Ф. 2000. Оп. 7. Д. 12350. Л. 5об.].

Во время революционных событий 1905 г. он, по собственным воспоминаниям, участвовал в работе нелегального кружка в Енисейске, который занимался «самообразованием, изучением политической экономики, историей революционного движения..., а также „текущего момента“» под руководством политссыльного, известного по псевдониму «Мишель». Принимал участие в демонстрации рабочих и ученической молодежи [ГА КК. П-64. Оп. 5. Д. 35. Л. 1–2].

Уже в августе 1907 г., т. е. в возрасте полных 17 лет, А. В. Боголепов был осужден к 1 году и 4 месяцам тюремного заключения за то, что «вступил в преступное сообщество, именующее себя „партией социалистов-революционеров“», хранил в своем доме в г. Красноярске агитационные мате-

риалы эсеров и распространял их [ГА КК. Ф. 42. Оп. 3. Д. 91. Л. 74–75]. После отбывания наказания и недолгой службы в армии (45 дней, после чего «убыл в годичный отпуск по болезни» [ГА КК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 1819. Л. 25–25об.]) А. В. Боголепов не прекратил связей с эсерами, а также с представителями красноярской организации Российской социал-демократической рабочей партии, и скрывался от полиции, в том числе проживая по паспорту, выданному на другое имя [ГА КК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 1333. Л. 1–35; ГА КК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 1819. Л. 1–2]. В результате в 1912 г. его вновь осудили, и на этот раз приговорили к 5 годам лишения свободы с высылкой в Якутскую область под гласный надзор полиции [ГА КК. Ф. Ф. 827. Оп. 1. Д. 1333. Л. 2].

К этому времени А. В. Боголепов уже считался в органах охраны правопорядка «опытным революционером» [ГА КК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 1333. Л. 26об.]. В частности в одном из донесений 1912 г. отмечалось, что: «Боголепов — ярый С. Р. (социал-революционер. — Л. В., А. С., С. Ф.), неутомимый революционный деятель, стоящий во главе неблагонадежного элемента г. Красноярска, пользуется громадным влиянием среди местного неблагонадежного, как политически, так и нравственно, населения; принимает деятельное участие во всех революционных проявлениях всех организаций, что и давало повод с 1907 г. по настоящий год к неоднократным ежегодным обыскам...» [ГА КК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 1333. Л. 26об.–27].

К месту ссылки в с. Булун А. В. Боголепов добрался на пароходе из Якутска летом 1913 г., попутно подготовив для газеты «Сибирская жизнь» заметку «По Лене», в которой богатым литературным языком охарактеризовал некоторые природно-географические особенности приполярных районов Якутии в летнее время, легенду о возвышающемся над рекой острове Аграфена и связанные с ней традиции местного населения [Боголепов 1913: 2]. Следует отметить, что подобный случай авторства текста, принадлежащего А. В. Боголепову, и без учета предлагаемой к ознакомлению далее рукописи, не единичный. Им же, например, написана статья «Пятый год в Енисейске», посвященная участию местной молодежи в революционных событиях 1905 г. [ГА КК. Ф. П-64. Оп. 5. Д. 35. Л. 1–2].

¹ В отличие от текста представленной далее рукописи А. В. Боголепова, данные даты взяты из «расстрельного дела» и, очевидно, приведены по новому стилю.

Из отложившихся в Национальном архиве Республики Саха (Якутия) документов следует, что А. В. Боголепов, как и отбывавший одновременно с ним ссылку в Булуна еще один эсер, журналист В. Т. Гончарук, ежемесячно получал из казны 15 руб. [НА РС(Я). Ф. И25. Оп. 1. Д. 3782. Л. 11; НА РС(Я). Ф. И25. Оп. 1. Д. 3889. Л. 2, 8]. Кроме того, существовали и иные выплаты. Например, на приобретение зимней одежды в феврале 1916 г. А. В. Боголепову было выделено 22 руб. 50 коп. [НА РС(Я). Ф. 12. Оп. 14. Д. 57. Л. 7].

Одним из его занятий, помимо наблюдений за жизнью булунцев и фиксации ее различных оригинальных черт, с которыми можно будет ознакомиться далее, стал сбор ботанической коллекции. В этой связи в фондах Государственного архива Иркутской области сохранился ботанический дневник А. В. Боголепова за лето 1916 г., в который заносились описания ежедневных пополнений (с перерывами в случае непогоды) найденных им в окрестностях Булуна образцов местной флоры [ГА ИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 727. Л. 1–4].

Собранную на 71 листе коллекцию он в конце августа 1916 г. отправил в Императорскую академию наук, где она получила высокую оценку, а сам собиратель — вознаграждение в 25 руб. [СПбФ АРАН. Ф. 70. Оп. 2. Д. 51. Л. 1–3]. Помимо этого, А. В. Боголепов составил «Список населенных мест Жиганского улуса Верхоянского округа» [ГА ИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 721. Л. 1–6].

В данном отношении, вновь обращаясь к упомянутой фразе А. И. Солженицына, отметим, что любопытным представляется следующее обстоятельство: В. Т. Гончарук «под влиянием окружающей его полярной обстановки» решил «особенное внимание обратить на занятие астрономией» и запрашивал из Булуна у будущего почетного члена Академии наук СССР, химика и астронома Н. А. Морозова «книги, начиная с популярно-изложенных, по астрономии», а также «наиболее необходимейшие инструменты, из заваливавшихся по кладовым и чуланам» [АРАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 457. Л. 1–1об.].

Из «булунского плена» А. В. Боголепов, по всей видимости, был освобожден после февральских событий 1917 г. и последовавших после них решений в отношении

всех политических ссыльных. В июне того же года он вернулся в г. Красноярск, работал журналистом в одной из местных газет [ГА КК. Р-1480. Оп. 1. Д. 152. Л. 13]. На момент октябрьских событий 1917 г. входил в состав Исполнительного комитета Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в г. Красноярске от партии эсеров. На одном из заседаний выступил в соответствии с позицией его партии против захвата власти большевиками, а вскоре вышел из состава этого органа [ГА КК. П-64. Оп. 5. Д. 63. Л. 7–12]. В 1919 г. А. В. Боголепов, исходя из сведений в «расстрельном деле», являлся делегатом «Губернской партийной эсеровской конференции в г. Красноярске», а также писарем в штабе 31-го Сибирского стрелкового полка белых (в другом месте дела сообщается уже о службе сотрудником по особым поручениям в штабе этого же полка) [ГА АК. Ф. 2000. Оп. 7. Д. 12350. Л. 5–6]. С 1920 г. до конца 1924 г., очевидно, вынужденно сменил в Красноярске несколько мест работы: контролера в Губернском продовольственном комитете и Енисейской водной страховой кассе, заведующего отделением в Губернском отделе социального обеспечения, инструктора профсоюза «Совработников». После смерти первой жены в 1921 г. имел на иждивении дочь Келарию [ГА КК. Р-1480. Оп. 1. Д. 152. Л. 13–14].

В 1921 г. А. В. Боголепов был арестован «за эсеровскую деятельность», однако осужден не был. В 1922 г. его арестовали «за то же» и вновь не осудили. Спустя еще два года А. В. Боголепов был осужден по ст. 176 («Хулиганство...») «за оскорбление» и приговорен к 6 месяцам лишения свободы. Примерно тогда же в г. Красноярске он окончил бухгалтерские курсы [ГА АК. Ф. 2000. Оп. 7. Д. 12350. Л. 5об.].

Следующие выявленные сведения относятся уже к злополучному 1937 г. На момент ареста 20 июля этого года А. В. Боголепов с женой, тещей и двумя сыновьями школьного возраста проживал в г. Барнауле по адресу: ул. Гоголевская, д. 78, работая бухгалтером в Глазной больнице. Кроме того, еще один ребенок — упомянутая дочь Келария (21 год) жила и работала в г. Красноярске.

Решением Тройки управления НКВД Западно-Сибирского края от 7 сентября 1937 г. А. В. Боголепов был приговорен к расстрелу по ст. 58-2, 58-11 УК РСФСР как «участник

эсеровско-монархической повстанческой контрреволюционной организации, ставящей своей задачей подготовку вооруженного свержения Советской власти». Приговор приведен в исполнение 16 сентября 1937 г. [ГА АК. Ф. 2000. Оп. 7. Д. 12350. Л. 37–42]. 30 сентября 1965 г. А. В. Боголепов был реабилитирован Алтайским крайсудом за отсутствием события преступления.

3.2. Место ссылки: арктическое село Булун

В издававшемся на рубеже XIX–XX столетий популярном «Энциклопедическом словаре» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона с. Булун описывался следующие образом: «одна из наиболее населенных местностей пустынного Верхоянского округа Якутской области; лежит на левом берегу р. Лены, при впадении речки Булуни, в 180 вер.¹ от устья Лены, под 70°45' с. ш.² и 127°47' в. д.³ (от Гринвича) и 43 м над поверхностью океана. У селения р. Лены течет одним рукавом, шириною до 3 вер.⁴, при глубине от 7 до 8 саж.⁵; поднимающиеся по обеим сторонам реки горы возвышаются до 1 000 ф.⁶ и имеют форму пирамидальных гольцев, лишенных растительности, в ущельях которых снег, не тая, лежит в течение всего лета» [Булун 1891].

Если характеризовать место расположения села относительно ныне действующих населенных пунктов, то оно находилось напротив с. Кюсюр и в 120 км к юго-западу от административного центра современного Булунского улуса (района) Республики Саха (Якутия) — п. Тикси. Известен год ликвидации села — 1957 г., когда на севере Якутии продолжалась реализация политики поселкования (сосредоточение населения в относительно крупных поселках). Однако точное время появления с. Булун, к сожалению, остается не установленным. Есть данные, что населенный пункт был основан жителями Жиганска, бежавшими из него в 1805 г. предположительно из-за начавшейся эпидемии оспы [Дьяченко 2014: 48]. При этом известно, что уже в 1818 г. власти сочли

возможным организовать в Булуно рыбный запасный магазин, обеспечивающий продовольствием голодающих близлежащих территорий [Гурвич 1966: 164].

Упомянувшийся А. А. Бычков среди прочего отметил, что географическое положение Булуна в центре лучших рыболовных песков на р. Лене и на пересечении транспортных артерий (пароходная связь летом с Якутском, а также выходы на Оленек, Анабар и Хатангу на западе, на Яну и Индигирку — на востоке) обеспечило ему сравнительно быстрый рост. В промежутке с 1860-х по 1890-е гг., по данным этого автора, численность населения Булуна увеличилась почти вдвое [Бычков 1899: 22]. К 1897 г. в Булуно было более 30 домов и около 80 чел. постоянного населения. С теми же, кто летом перебирался на рыболовные пески или всю зиму находился в разъездах по делам торговли, население Булуна превышало 150 чел.

В 1895 г. в Булуно была построена новая деревянная церковь Св. Спаса и при ней церковно-приходская школа. С осени следующего года в поселке постоянно проживал участковый полицейский заседатель, там же находилась Жиганская инородная управа. В Булуно вели торговую деятельность, кроме 12 местных купцов, доверенные лица двух самых крупных фирм в Якутске: Громовой и Кушнарева. Наконец, в Булуно имелся казенный хлебный запасный магазин, склад казенной соли и запас рыбы на случай голодовки. Купцы в Булуно являлись самым многочисленным классом и занимали господствующее положение [Бычков 1899: 22].

К 1914 г., т. е. ко времени пребывания в селе А. В. Боголепова, Булун представлял из себя населенный пункт в 30–40 домов с населением в зимнее время от 170 до 200 душ. В нем имелось около десятка торговых предприятий с оборотом от 20 до 60 тыс. руб. в год каждое. Вместе с мелкими купцами торговый оборот Булуна составлял около 400–500 тыс. руб. в год [Зензинов 1916: 4–5].

3.3. Зимняя повседневность заполярной Якутии в наблюдениях А. В. Боголепова: анализ рукописи

Презентуемая рукопись интересна уже тем, что принадлежит, как отмечалось, практически неизвестному автору. Рукопись

¹ Верстах.

² Восточной долготы.

³ Северной широты.

⁴ Верст.

⁵ Сажень.

⁶ Футов.

начинается с описания объекта явного увлечения молодого человека: с ботанических заметок, которые были, как отмечалось, судя по найденным архивным документам, позже оформлены в добротное коллекционное описание местной флоры, отправленное в Императорскую академию наук. Главным же впечатлением для 23-летнего Анатолия Боголепова в Булуне становится, что неудивительно, период естественных низких температур. Он подчеркивает продолжительность холодного сезона — 8 месяцев, указывая, что заморозки, снег могут случиться и ранее: «Обычно в августе месяце выпадает снег. В 1914 г., например, первый снег выпал 16 августа...» [ГА ИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 726. Л. 27]. Психологическое воздействие длительного преобладания низких температур в течение года отражено в его словах: «Печально зимой в Булуне. Частые пурги и жестокие морозы гонят все живое в юрты, меха», — пишет он, приводя показатель термометра в зиму 1914/1915 г.: -63°C [ГА ИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 726. Л. 27].

При этом нужно заметить, что, хотя современный арктический Булунский район с территорией более 223 тыс. км² и не относится к самым холодным местам Якутии, однако даже в прибрежном Тикси (административный центр Булунского улуса (района)) температура воздуха может опускаться ниже -50°C . Поселение Булун же, где проживал А. В. Боголепов, находится выше по течению р. Лены, и климат здесь в температурном отношении еще более суровый, чем в Тикси.

Известно, что при длительных стабильных низких температурах усиливается воздействие холода на живые организмы. Об этом писал, например, отбывавший в 1881–1884 гг. ссылку в Центральной Якутии В. Г. Короленко. Он оставил цикл заметок и рассказов о типичных зимних днях в краю ссылки: «Потом на одной из станций (ямщицких. — Л. В., А. С., С. Ф.) мы уже видели замерзшую в термометре ртуть, и нам сказали, что так она стоит несколько дней. Птицы замедляли полет, судорожно взмахивали крыльями и падали на землю...» [Короленко 1971: 397]. Учитывая, что температура кристаллизации (отвердевания) ртути — -39°C , можно предположить, что стояла погода с устойчивым холодом -40°C и ниже. По наблюдениям сельских жите-

лей Якутии, небольшие птицы замедляют полет или падают уже ближе к -48 – -50°C [ПМА 2019: Инф. 2; ПМА 2023: Инф. 4].

В рукописи А. В. Боголепова весьма эмоционально описываются снежные метели, после которых приходится откапываться, и отдельно упоминается полярная ночь, когда в Булуне солнце уходит с горизонта 8 ноября до 8 января, и становится «еще то склинее». Картина, когда жилье от обычного сугроба отличает только «снежный туннель от двери и дым от трубы» [ГА ИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 726. Л. 26], а световой, скорее сумеречный, день длится от часа до двух — и сегодня остается повседневной зимней реальностью Булунского района Якутии [ПМА 2014: Инф. 1; ПМА 2019: Инф. 3]. Однако во время проживания политического ссыльного А. В. Боголепова его единственным развлечением в зимнее время было наблюдение за северным сиянием в небе. Можно представить, как подобная обстановка влияла на самочувствие людей, не обладавших молодостью и душевной стойкостью автора рукописи.

По медицинским аспектам воздействия на организм длительных низких температур, недостатка инсоляции в сочетании с дефицитом витаминов и скудостью рациона питания существует богатая специальная литература. Бесспорно, полярная ночь, сменяющаяся ярким свечением обширных снежно-ледовых площадей, вызывающим так называемую «снежную слепоту», затяжные сильные ветры и геомагнитные бури высоких широт и ряд других природно-климатических факторов Севера и Арктики были и остаются причинами, провоцирующими развитие патологий у любого человека. Для людей, вынужденных пребывать под контролем в принудительном порядке в непривычной географической и культурной среде, ссылка в Якутию представляла действительно «сплошную цепь физических и моральных страданий» [100 лет 1934: 124].

В историографии российской политической ссылки, в контексте которой здесь рассматривается судьба А. В. Боголепова, немало свидетельств, когда высылка в заполярные отдаленные районы — в Якутию, в Туруханский край — резко негативно отражалась на физическом и душевном здоровье сосланных, как правило, уроженцев центральных или юго-западных областей

Российской империи. Так, у отбывавшего ссылку в Верхоянске талантливого ученого И. А. Худякова тяжелые условия жизни и издевательское отношение администрации спровоцировали психические отклонения [100 лет 1934: 130–131]. В целом пограничные состояния, нервные и психические патологии, депрессии и склонности к суициду были в среде якутских политических ссыльных явлением нередким [100 лет 1934: 137–139, 184–185].

В этом свете важным моментом видится фиксация А. В. Боголеповым влияния локальных, в том числе климатических, условий на самочувствие людей, прежде всего на психику и нервную систему. Когда он пишет, что «особенным физическим здоровьем булунец не отличается. Среди коренного русского населения сильно развита, особенная нервность...», он приоткрывает тему специфической нервной болезни, распространенной именно на Севере. Болезнь «омурах», о которой он пишет, под названиями «эмурэх», «эмиряченье», «мэнэрик» освещена многими исследователями быта и культуры народов Якутии: ее симптомы и проявления описаны в известных трудах В. П. Трощанского и Н. А. Виташевского [Трощанский 1904; Виташевский 1911].

В своей специальной работе врач, политический ссыльный С. И. Мицкевич отнес данное заболевание к формам истерии [Мицкевич 1929: 10–26]. Подавляющее большинство исследователей напрямую связывают невротический характер болезни с условиями жизни, в которой превалирует длительность холодного и темного сезона в сочетании с вынужденным проживанием в замкнутом пространстве. Необходимо подчеркнуть, что А. В. Боголепов отмечает распространение болезни именно среди русских местных жителей селения Булун, что расширяет представление о ее распространенности только у представителей коренных народов.

На описываемые зимние дни поселения Булун проецируются обнаруженные нами ранее паттерны «зимнего поведения» в Якутии: экономия сил и средств жизнеобеспечения, стремление минимизировать пребывание человека на открытом воздухе при самых низких температурах без острой необходимости. Подобная ориентация определяла и характер времяпрепровождения:

преимущественно в отапливаемом помещении, что в условиях ограниченных жилых площадей приводило к избеганию развлечений с физической активностью. Данные факторы способствовали распространению пагубных для здоровья пристрастий к настольным азартным играм и употреблению алкоголя.

Картежничество было практически единственной формой досуга у сезонных работников на рыбных промыслах в низовьях Лены, включая окрестности Булуна. Постоянное присутствие промыслового и торгового люда в поселении способствовало распространению азартной игры среди местных жителей. А. В. Боголепов подмечает, что «играют все: мужчины, женщины, дети, русские и якуты. Карточный проигрыш или выигрыш играет немаловажную роль в бюджете булунца. Я знаю один случай, когда купец проигрался в Булуне до чиста и только за дорогу от Булуна до Якутска отыгрался...» [ГА ИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 726. Л. 38]. Указывая на увлечение булунских жителей также игрой в лото, он подчеркивает на социальную опасность массового картежничества, сфера которого в любые времена пронизана криминальными элементами.

В Булун специально приезжали, по его признанию, «гастролеры» по карточной игре, прошедшие подготовку в Якутской и других тюрьмах. А. В. Боголепов пишет, что знает случай, «когда один купец вошел в сделку с заведомым шулером. Они вдвоем прогастролировали по якутам. Такой объезд очень дорого обошелся якутам, болезненная страсть которых к карточной игре общеизвестна» [ГА ИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 726. Л. 38]. В данной оценке он прав, карточная игра была разрушительным развлечением практически всей Якутии. О распространении азартных игр, наносящих большой ущерб благосостоянию якутских хозяйств, писали не раз еще в досоветское время [Маак 1994: 258–259; Серошевский 1993: 256, 412; Кулаковский 2002: 95–96, 121].

Палитра затронутых в рукописи аспектов обширна: от заметок о погоде и повседневных бытовых привычках до наблюдений за грабительскими отношениями купцов с представителями аборигенных этнических сообществ и религиозными предпочтениями местного населения. При этом фоном

для рефлексий, конструирующим всю повседневность селения Булун, стержнем выступает специфика климата — наличие снежного или ледового покрова для хозяйственных поездок, возможность хранить на уличном холоде приготовленную на Пасху(!) выпечку. Даже праздничная повседневность булунчан предстает из-под пера А. В. Боголепова в специфическом «холодовом» варианте: в замедленном минорном исполнении, лишённом ярких красок и громких звуков, — описание свадеб выполнено им весьма художественно [ГА ИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 726. Л. 39–40].

В этой связи записи многих исследователей и писателей, отбывавших ссылку в Якутии в разное время, подтверждают воздействие холода, ограничивающее человеческую активность, эмоциональную открытость. Как выше уже отмечено, воздействие зимней монотонности с ее темнотой, вынужденной изолированностью в ограниченном пространстве формировало длительный стресс, пагубный для человеческого сознания. Необходимо отметить не только наблюдательность, «включенность» автора в местные реалии, но и хорошее знание существовавшей тогда литературы по Северу и Якутии, в частности, он ссылается на монографию В. Л. Серошевского [ГА ИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 726. Л. 28]. В совокупности все это позволяет рукописи А. В. Боголепова обогатить новыми красками и деталями реконструкцию повседневности в высоких широтах северо-востока России.

3.4. Селение Булун Верхоянского округа Якутской области

(Текст рукописи А. В. Боголепова приводится в соответствии с архивным документом: [ГА ИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 726. Л. 26–46])¹.

I

Селение Булун находится на крайнем севере Якутской области на р. Лене в 200 верстах от Северного Ледовитого океана. Точное географическое положение Булуна — 70 градусов 45'² северной широты и 127 градусов 43'³ восточной долготы от Гринвича.

Местность, окружающая Булун, гористая с массой горных ручьев и рек, бур-

ных во время весеннего разлива и таяния снега на горах и пересыхающих во время лета. По горам и в ущельях растет лес, достигающий 3–4 саж. в высоту, но только очень тонкий. Единственным деревом, служащим топливом, а также для постройки небольших юрт, служит лиственница (*Larix sibirica*).

Из других лесных пород здесь встречаются: ольха (*Alnus viridis*), поросль ивы (*Salix Tourn*) и кустарниковая поросль полярной березы (*Betula nana*).

Из ягод в окрестностях Булуна встречаются следующие: красная смородина (*Ribes rubrum*), голубика (*Vaccinium uliginosum*), брусника (*Vaccinium vitis-idaea*), морошка (*Rubus chamaemorus*) и малина (*Rubus idaeus*). Последний сорт ягоды я не ожидал встретить в Булуна и, к своему удивлению, в первый же год (1913) по прибытию в Булун нашел несколько ягод малины; но какие это были жалкие, чахлые ягоды. Вообще надо сказать, что растительный мир в окрестностях Булуна богатый. Мной, например, найдено больше ста видов цветущих растений. Я не ожидал так далеко на севере встретить такое количество растений.

Зима здесь тянется долгих 8 месяцев. Печально зимой в Булуна. Частые пурги и жестокие морозы гонят все живое в юрты, меха. Во время пурги весь Булун заносится большими сугробами снега, и бывает трудно пробраться от одной юрты до другой, а после пурги долго приходится работать, расчищая снег; пришла пурга — вновь замело. В зиму 1914–1915 гг. мою, например, юрту совершенно занесло снегом, и только снежный туннель от двери и дым от трубы отличал ее от сугроба снега. Морозы в Булуна достигают 63 градуса по Ц. (зима 1914–1915).

8 ноября солнце скрывается за горизонтами и вновь показывается 8 января. С 20 чисел ноября до 20-х декабря самое темное, тоскливое время. Сумеречный день продолжается 1–2 часа. Иная ночь бывает гораздо светлее дня, когда на небе играет всеми цветами радуги северное сияние. Мне часто приходилось наблюдать очень яркие, красочные северные сияния. В ноябре–декабре солнце заменяет луна. Круглые сутки луна не сходит с горизонта, и тогда северное сияние более бледное, не яркое. Но в периоды, когда луна скрывается на круглые

¹ Сноски (*) даны А. В. Боголеповым.

² Точнее: 44. — Л. В., А. С., С. Ф.

³ Точнее: 24. — Л. В., А. С., С. Ф.

сутки за горизонтом, сумрачный день становится еще тоскливее, и только северное сияние разнообразит унылый ландшафт.

Зато летом солнце совсем не скрывается за горизонтом почти два месяца и круглые сутки светит. 14-го мая в 12 часов ночи, стоя на горизонте, можно было видеть на севере край солнца, скрываться же оно начинает с 12 июля.

Лето в Булуне короткое: вскрывается Лена в 20-х числах мая и очищается от льда к 1-му июня, а в 20-х числах сентября показывается береговое сало, и в последних числах сентября, начале октября река покрывается неподвижным льдом.

Редкое лето проходит без ранних заморозков и снега. Обычно в августе месяце выпадает снег. В 1914 г., например, первый снег выпал 16 августа и покрыл землю на 2 вершка (на другой день весь снег сошел). В 1916 г. первый снег выпал (падал весь день) 18 июля. Частые дожди и северные ветра, которые дуют неделями, заставляя одевать теплое, даже меховое пальто, мало дают возможности воспользоваться коротким летом. В такие редкие дни, когда нет ни дождя, ни ветра существование отравляется «гнусом»-комарами, которые вьются тучами, прокусывают сквозь одежду. С середины июля комары исчезают.

II

По прибытию в Булун [Булун является административным центром. Здесь живет полицейская власть в лице земского заседателя. Раз или два в году земский заседатель объезжает свой участок. Устьянск (на р. Яне), Русское Устье (на р. Индигирке в 2 000 вер. от Булуна) входят в административную деятельность земского заседателя. В Булуне имеется фельдшерский пункт и школа. Булун давно служит для политических местом ссылки] (1913 г.) я на другой день сделал «обозрение» своего нового невольного местожительства; побывал и на старом теперь заброшенном кладбище. Осматривая разрушившиеся надгробные каменные плиты, на половину вросшие в землю, я обратил внимание на полуистершуюся дату на одной плите: «Иноходец Жиг... умер 1806...». Я тут же задался вопросом, когда основан Булун.

В своем движении на восток «против

солнца» смелые русские землепроходцы в поисках новой «землицы», а главным образом, ясака, в первой четверти XVII ст. дошли до р. Енисея и в 1620 г. получают первые сведения «о великой реке Лене». В 1632 г. Петром Бекетовым «строителем Сибирских городов», основывается Ленский острог, теперешний гор. Якутск. В 1636 г. десятник Елисей Буза, взяв с собой 10 человек казаков и 40 промышленных охотников, спустился по р. Лене к «Студеному морю», выплыв западной протокой дельты р. Лены и плывя на запад морским берегом, достиг устья р. Оленек, поднялся немного по р. Оленеку и остался зимовать. В это же время устанавливается и сухопутное сообщение с р. Лены на Оленек. Таким образом было основано «Устьоленское зимовье», теперешнее селение Устьоленск¹. На р. Оленек русские землепроходцы явились раньше якутов. Там промышленные люди до того удачно охотились, что «в Якутске за потребное признали послать туда кого-нибудь для сбора десятого соболя» (Фишер «Сибир. История» стр. 376; цитирую по Серошевскому «Якуты» стр. 235)².

Елисей Буза, спускаясь по р. Лене в Ледовитый океан, не обратил внимания на место, занимаемое теперь Булуном. Русским, установившим сухопутное движение на р. Оленек, базой для движения в сторону от р. Лены, служило основанное ими селение Сиктях в 180 вер. выше теперешнего Булуна.

Ни в «Исторических актах XVII ст.», ни в других работах по истории Сибири я не встречал, чтобы русские основывали Булун. В Жиганской Инородной Управе хранится старинный архив Устьоленского Крестьянского Общества. В нем имеются «указы» Императрицы Анны Иоанновны и некоторые бумаги, помеченные даже 1718 г. Я два раза разбирал архив. Большую массу бумаг я не в состоянии был разобрать — писано полууставом. Архив находится в плачевном состоянии. Часть бумаг сгнила, покрылась плесенью, изъедена мышами. Архив хранится в сыром месте, на него часто протекает дождь. Пройдет несколько лет, и от архива останется одно воспоминание. В архиве имеются очень ценные бумаги: старинные XVIII ст. окладные сборы «Устьоленской

¹ Сейчас — с. Усть-Оленек Булунского улуса (района) Республики Саха (Якутия).

² Речь идет о книге [Серошевский 1993].

Земской избы» и много других ценных актов, интересных для истории.

Следовало бы какому-нибудь научному обществу обратить внимание на архив и приобрести его. С некоторых бумаг царствования Екатерины II, Александра I-го, Николая I-го и некоторых бумаг половины XVIII ст. мной сняты копии.

Сравнивая названия селений, основанных русскими, мы видим только русские названия: Устьоленск, Усть-Янск, Русское Устье или Жило и т. д., тогда как Булун чисто якутское название (по-якутски «Булун» значит — находить, найти себя).

Таким образом вопроса: когда основан Булун, мы разрешить не смогли, но одно для нас стало ясно, что основание теперешнему Булуну положено не русскими, а аборигенами-инородцами.

III

Если глядеть на Булун с гор, окружающих его с трех сторон, то поражаешься разбросанности его строений. Изба от избы стоит на почтительном расстоянии друг от друга. Ни улиц, ни переулков по нашим понятиям нет. Если бы кто-нибудь задумал пройти из конца в конец в любом направлении по прямой линии, то обязательно какое-нибудь строение преградило бы ему дорогу. На площади, занимаемой в настоящее время Булуном, при известной планировке можно было бы выстроить вдвое больше строений.

Население Булуна в зимнее время достигает большой сравнительно для севера Якутской области цифры в 200–220 чел. Состав населения — якуты и русские, последних не более 20 процентов.

Местное коренное население состоит из двух известных мне фамилий и числится якутскими мещанами, остальные русские, хотя и глубоко пустившие корни здесь, поселились сравнительно не так давно — несколько десятков лет тому назад.

Относительно одной из местной коренной многочисленной фамилии Санниковых, живущей в Устьянске и Булуна. Существует предание, что их род, спасаясь от тяжелой ратной службы, вышел из Великого Устюга. Когда же и в Якутске стало тяжело жить от притеснений, Абрам Санников с благословения родителей спустился на кочах по Лене, выехал в Ледовитый океан и, продвигаясь по восточному морскому берегу, вы-

плыл на р. Яну, где и остался на жительство в Устьянске. Случилось это в первой четверти 1700-х годов. Теперешние Санниковы ведут род от смелого промышленника Абрама Санникова.

От Абрама Санникова до теперешних его предков «дистанция огромного размера». Абрам Санников смело бороздил воды Северного Ледовитого океана на своих унылых суденышках. Он первым добрался до Котельного острова, принадлежащего к группе Ново-Сибирских островов. Его же нужно считать основателем существующего и до сих пор промысла-добычи мамонтовых бивней (кости) на Ново-Сибирских островах.

Русское население Булуна и вообще дальнего севера Якутской области, за исключением разве только мещан Верхоянского общества, живущих в Русском Устье, слилось с окружающей их средой инородцев. Как пример особенно сильного поглощения низшей культурой высшей я могу указать на коренных крестьян Устьоленского общества, на потомков знаменитого Елисея Бузы. Крестьяне Устьоленска настолько утратили свои национальные черты, что совершенно не отличаются от окружающих их инородцев — якутов ни образом жизни, ни верованием, ни лицом, но что характернее всего, совершенно утратили дар русской речи. Из всех коренных крестьян Устьоленского общества я не встретил ни одного, умеющего хотя бы одну фразу сказать по-русски. Исключение представляют те бывшие уголовные ссыльные, которые недавно, 20–30 лет тому назад, приписались в крестьяне Устьоленского общества, но и то уже поддались влиянию окружающей среды и при разговоре с русскими употребляют якутские слова и предпочитают более говорить по-якутски.

Население Булуна, хотя и не в такой мере, как крестьяне Устьоленского общества, но тоже сильно поддавалось влиянию окружающей его среды инородцев. Ввиду того, что булунчане больше вращаются среди русских, а некоторые из них ежегодно весной выезжают в г. Якутск по своим торговым делам — окончательно русского языка они не утратили. Говорить булунцам по-русски страшно трудно, и при каждом удобном случае они стараются перейти на якутский. Первоначально я удивился, почему это, когда соберутся два-три русских, то

никогда не говорят между собой иначе, как только по-якутски, и только достаточно ознакомившись с булунцами, увидал, что поговорить им на родном языке трудно, масса слов забыта, фразы строятся неправильно. Получается такое впечатление, что вы говорите не с русским, а с плохо знающим русский язык татаринном.

Приходит ко мне жена казака и говорит: «Моя старик просила у тебя газету на оклейку». «Моя», «твоя» и т. д. — так пестрит у булунца на русском языке. Вскоре по прибытию в Булун мне пришлось гулять на свадьбе. Выходила замуж соседка, сестра местного коренного русского купца. Молодая на свадьбе сказала мне: «Ты теперь не будешь моя соседка». Не зная тогда особенностей русского языка булуна, я был очень поражен.

До сих пор я не могу привыкнуть к разговору одного купца из коренных булунов. При разговоре с ним мне приходилось напирать всю волю, чтобы понять, что говорится. Кроме обычной особенности булунского русского языка этот господин утратил способность не только выговаривать правильно целый ряд букв, но и совершенно часть букв не выговаривает. Получается впечатление какого-то детского лепета.

Однажды у меня с этим булуном произошел следующий случай, о котором я, кажется, никогда не забуду. На мой вопрос, куда он идет, я получил в ответ: — Бейгъ —. Лишь в долге после его ухода я догадался, что он сказал: «на берег». Предлог «на» он проглотил, а сказать «берег» иначе, как только «бейгъ», он не мог.

При встрече булунец редко скажет «здравствуйте», в большинстве случаев приветствует или якутским «капсе», или «сказывайте», что является точным переводом якутского «капсе» («капсе» по-русски значит — «говори, сказывай»). Хороший тон требует ответа: «Нечего. Вы сказывайте», и лишь после такого приветствия начинается настоящий разговор, что всецело заимствовано от якутов. Вот первоначальный разговор при встрече якутов:

- Капсе.
- Суох. Ан капсе.
- Туох да суох.
- Сказывай.
- Нечего. Ты сказывай!
- Совсем нечего.

Прощаясь, булунец всегда добавит: «К нам гуляйте!», или «К нам погуливайте». «Ваши гости», нужно ответить.

Особенным физическим здоровьем булунец не отличается. Среди коренного русского населения сильно развита особенная нервность, заключающаяся в том, что больной во время испуга теряет волевое действие, которое вполне сознается больным, противиться же больной против ослабления воли не может, хотя очень хочет. Таких больных здесь называют омураками. В моменте испуга, который может наступить по всякому незначительному поводу, такой выкрикивает: «о мать», «абас» (название женского полового органа на якутском языке), иногда вульгарное название того же органа на русском языке и т. д.

Вот несколько записей, сделанных мною в первый год пребывания в Булуно. К сожалению, впоследствии я перестал записывать каждый отдельный случай.

Я с товарищем находился в дамском обществе. Докурив папиросу, я неожиданно для присутствующих выбил окурочек из мундштука. Результат для нас получился неожиданный.

— Абас, — воскликнули дамы. Я извинился, но попросил перевести сказанное ими слово, предполагая, что это якутское слово означает испуг, удивление или что-либо другое.

— Э, так себе, — получил в ответ. В тот же день я узнал, что означает это слово.

Другой случай: придя по делу к одному местному купцу, я не застал его дома. Я изложил свое дело его супруге. Беседуя со мной, она оперлась рукой о стену, шпалера лопнула, и дама мгновенно произнесла — абас — с добавлением еще двух вульгарных слов на русском языке. Через момент она продолжала со мной говорить, как будто ничего не произошло.

Я завел себе щенка. Однажды он у меня потерялся. Выйдя из юрты, я стал звать щенка по имени. Неожиданно для меня соседка, находясь около своего дома, также стала звать моего щенка, подражая моей интонации. Я удивился и перестал звать щенка, сейчас же перестала и она. Я возобновил зов, сейчас же возобновила и она. Все еще не предполагая, что я имею дело с омураком, а думая, что эта солидная мать многочисленного семейства просто из-за мальчишества

занимается передразниванием меня, я подошел к ней и вступил в разговор, ни словом не упоминая о передразнивании. Через минуту-другую простившись и отойдя, я стал свистать щенка и за своей спиной услышал попытки передразнить свой свист. Тут только я догадался, что моя соседка омурах, но, желая себя проверить, я стал звать щенка по имени то повышая, то понижая голос, она в точности повторяла меня. Тогда стал кричать всякий набор слов, и она почти в точности повторяла мою чушь. Не желая более нервировать себя, я ушел в юрту.

Однажды хозяин дома, где я находился в гостях, желая привести одного из присутствующих мужчин в состояние омурах, ударил его неожиданно по плечу, и тот мгновенно прервал разговор со мной и воскликнул: «О мать...» с добавлением еще нескольких вульгарных слов, а через секунду-другую продолжал без всякого смущения прерванный разговор, хотя здесь присутствовала и хозяйка.

Тут же вскоре произошел и с хозяйкой дома случай, когда она стала омурахом. Разливая чай, она опрокинула пустой стакан и сейчас же произнесла: «абас».

Как-то присутствуя по делу в Жиганской инородной управе, мне пришлось наблюдать такую картинку: два якута стали шутя возиться, и неожиданно в одного из них вцепилась присутствовавшая здесь же якутка и стала бить его по спине. Ее оттащили, прекратили возню, и якутка успокоилась. Через 1/4 часа я заметил ту же якутку с чужим ребенком на руках, которого она баюкала. На мое замечание, как можно доверять таким больным детей, мне объяснили, что страдающие даже в сильной степени данной болезнью никогда не бросят ребенка и вообще ничего ему не сделают.

Больше у меня нет записей по данному явлению, но на память я их мог бы привести много, но это только удлинило бы, не прибавив ничего нового к сказанному. Во всех приведенных мною случаях, а также и в дальнейших, мною не записанных, когда при мне кто-либо приходил в состояние омурах и произносил те или иные вульгарные слова, я старался заметить, какое действие произвело на сказавшего это, и ни разу не заметил при всем моем желании и тени смущения. Я заметил, что и окружающие также не обращают внимание на вы-

крики омурах. Для булунцев это явление, как видно, вполне нормального порядка. Во всех тех случаях, какие мне пришлось наблюдать лично, а наблюдал я за три с лишним года много, я ни разу не слышал, чтобы омурах, как мужчина, так и женщина, во время нервного возбуждения выкрикивали название мужского детородного органа.

Омурахов среди мужского населения я встречал меньше, чем среди женского. Не объясняется ли это тем, что мужскому населению с. Булун по роду своей деятельности приходится большую часть года проводить вне дома на вольном воздухе, разъезжая по округу и тем разнообразя впечатление, тогда как женщины круглый год безвыездно живут на одном месте, а значит не видят новых впечатлений. А также большей нервной восприимчивостью женского организма. Не играет ли также для данного явления первоначальную роль подражательность, передразнивание омурахов и лишь впоследствии незаметно для себя самому становиться омурахом.

В Булуне мне пришлось наблюдать такой случай. В 1914 г. сюда прибыло семейство Б-ских, состоящее из мужа, жены и приемыша 10 лет. Г-жа Б-ская хорошо знает якутский язык, муж не знает. Прожили они здесь только год и в 1915 г. уехали в Якутск. В Булуне за неимением отдельных квартир Б-ские сняли комнату в семействе К., состоящем из мужа и жены. Оба К. в сильной степени омурах и по самому незначительному поводу К. вскрикивают (всегда по-якутски) что-либо вульгарное. Б-ская первоначально подсмеивалась над выкриками К., стала их передразнивать, часто нарочно вводила К. в состояние омурахов, чтобы посмеяться и передразнить. К концу пребывания в Булуне Б-ская незаметно для себя сама стала омурахом, правда в слабой степени. Тогда как ни ее муж, ни приемыш ничего подобного не испытали на себе. В 1915 г., как я сказал выше, Б-ские покинули Булун. В 1916 г. Б-ские снова прибыли на жительство в Булун. В разговоре со мной Б-ская созналась, что ей много труда стоило отстать от привычки выкрикивать. Б-ские жили около Якутска в деревне, где не было омурахов.

Таким образом, простое первоначально передразнивание омурахов послужило толчком для самой Б-ской стать им же, и только скорый отъезд из Булуна, отсутствие среди

окружающих ее на новом месте омурахов и сильная борьба со своей привычкой излечило Б-скую. Этим я и закончу об омурах.

Питаются булунцы хорошо. Хорошо и плотно поесть — высшее наслаждение. Едят много, до отрыжки. Я всегда удивлялся обилию поедаемой булунцем за один раз пищи. Чай с булкой не считают едой. Любимым блюдом является строганина¹. Делают строганину из нельмы, муксуна, но лучшая строганина считается из озерного чира, но это бывает редко и не у всякого, так как чирьи привозятся якутами издалека и только в «подарок». Строганина — любимое обыденное блюдо булунца, подается даже к чаю. Ни званый вечер, ни семейное торжество не обходятся без строганины. Другими любимыми блюдами служат оленье языки и пупки (у пойманной рыбы, преимущественно омуля, вырезается брюшко и солится). Эти блюда ставятся на стол только по большим праздникам и другим торжественным дням. Также одним из любимых обыденных блюд служит юкола. Юкола обычно готовится из омуля, но делается и из муксуна и даже из «кондевки» (род сельдей, есть кондевки до 1 ф. вес.). Распластанную и очищенную от костей рыбу часто надрезают поперек и вешают сушить на солнце. Через несколько дней, в зависимости от погоды, рыбу вешают над костром, где она и коптится в дыму, и юкола готова.

Летом на обед идет почти исключительно рыба в вареном и жареном виде. Зимой же — оленье мясо, в редком случае коровье, так как оно доставляется якутами из окрестностей гор. Верхоянска, где население занимается скотоводством, только зимой. Употребляют булунцы еще «варку» или «парку». Приготавливают ее так: прокопченную рыбу, костяные оставы² с мясом, оставши-

еся от приготовления юколы, мелко толкут и проваривают в рыбьем жиру и хранят в сумках, приготовленных из кожи тайменя или налима.

Все имеют русские печи и пекут «печенье» (так здесь называют всякую стряпню). Ржаной хлеб в большинстве булунцы не любят. Задолго до наступления праздника (перед пасхой — с первой недели поста) булунские хозяйки начинают готовиться к празднику. Начинают стряпать печенье, готовить всякие деликатесы — все приготовленное выносят на мороз, а летом в погреба. Еда служит бесконечным разговором для булунских хозяек. Они хорошо помнят, у кого «сей год» был хуже, или лучше «стол» на тот или иной праздник. Уважающая себя хозяйка будет очень огорчена, если ее печенье окажется хуже, чем у других. Не состряпать «слоеное» значит уронить свой престиж хозяйки в глазах других. Кухня — это ось, на которой в большинстве случаев вертится жизнь булунских хозяек.

IV

Селенье Булун является узловым пунктом для движения купеческой, а также и казенной клади для всего Верхоянского округа. Местное население, как русское, так и приезжающие из Якутска якуты, занимаются торговлей среди инородцев Верхоянского округа в разъезде. Верхоянский округ разделяется на четыре инородческих улуса: Жиганский, Верхоянский, Устьянский и Эльгетский. Самый громадный из них — Жиганский — и составляет сферу торговой деятельности булунских купцов. Булун находится на земле Жиганского улуса. Жиганский улус граничит с Туруханским краем (граница р. Анабар). Булунские купцы отчасти выезжают для торговли с инородцами и в Туруханский край.

Осенью с последним пароходным рейсом местное купечество приезжает в Булун со своей кладью, и Булун оживает. Купцы начинают готовиться к торговле в разъезде. Распаковывают товары, сортируют, снова упаковывают, хозяйки всецело поглощены стряпней «печенья» (сдобная булка), которое очень ходко идет среди инородцев. Каждый купец везет с собой такого «печенья» не менее 80–100 пудов. В 10-х числах октября клад начинают отправлять с якутами подрядчиками, нанятыми вперед за год. В это

¹ Строганина — наструганная тонкими «стружками» замороженная рыба, как правило, благородных сиговых пород. Сохраняет свою популярность в Якутии и является одним из брендов национальной кухни аборигенных этнических сообществ региона. Как и ряд других «северных» блюд в классическом понимании, употребляется сырой, хотя и подвергается температурному воздействию, только не термическому, а криогенному.

² Слово *оставы* в рассматриваемый период использовалось с примерным значением 'остатки'. — Л. В., А. С., С. Ф.

время в Булуне почти около каждого дома стоят стада оленей в ожидании отправки кладки. С 15-го октября вслед за отправленной кладью начинают выезжать и купцы, некоторые выезжают в торговый разъезд со всем своим семейством, в особо устроенных повозках, в которых помещаются небольшие, не более 2-х четвертей, железные печи.

С выездом купцов для торговых целей Булун пустеет почти наполовину. Свой отъезд купцы обставляют таинственностью. Если спросишь, когда выезжают, то выезжающий никогда не укажет день своего отъезда. Однажды я обратился с просьбой к одному купцу указать мне день своего отъезда и разрешить снять отъезд. Он мне указал определенный день, а сам в тот же день, когда я спрашивал, вечером выехал.

В первых числах января часть купцов приезжает в Булун, а в конце марта, начале апреля снова уезжают в селение Устьоленск на р. Оленек, на ярмарку. В начале мая все купцы собираются в Булуне, и торговый сезон окончен.

Торговля среди инородцев на севере носит по большей части меновой характер. Меновой единицей является шкурка песца. Купцы очень редко и неохотно покупают песца от промышленника за наличные деньги. Главными товарами при торговле с инородцами служат: мануфактура, галантерейный и бакалейный и в меньшей степени мука. Большой статьей дохода является выпекаемый домашним способом белый хлеб («печенье»). Не менее ходким товаром, даже двигателем при торговле с инородцем, является спирт. Ввоз спирта, как известно, в Верхоянский округ запрещен, но это только повышает доходы спиртовозов. И теперь, когда продажа спиртных напитков повсеместно запрещена, в Булуне имеется достаточный запас не только суррогатов спирта («самогонка», «ханжа» и т. д.), но и чистого спирта. Запасы ежегодно пополняются. По откровенному заявлению одного из купцов торговля без спирта среди инородцев немислима.

Осенью, незадолго до своего разъезда, купцы собираются и устанавливают, в зависимости от положения пушного рынка, цену на песцов при покупке от инородцев. В торговый сезон 1915–1916 гг. цена была установлена на купеческом собрании в 10 руб.

Цена эта продержалась до первых чисел декабря. В декабре из Якутска прибыли скупщики песца, и цена резко поднялась сначала до 18 руб. за шкурку песца, а на ярмарке в Устьоленске поднялась до 25 руб. Весной же в Булуне крупные фирмы принимали песцы от мелких купцов от 33 руб. до 35 руб.

Таким образом немалая разница была положена купцами в карман. Так как песец выменивается на товар, на который купцы накладывают к себестоимости от 100 до 1 000 процентов, то приобретенный купцом песец в действительности обходится ему на 100 и более процентов дешевле, чем он его купил.

Таким образом, процент наживы северного купечества нужно считать громадным. С первым пароходом местное купечество с собранной пушиной и мамонтовыми бивнями («кость») выезжает в г. Якутск.

V

С приездом купцов осенью из Якутска начинают ежедневно устраивать карточные вечера. Играют все: мужчины, женщины, дети, русские и якуты. Карточный проигрыш или выигрыш играет немаловажную роль в бюджете булунца. Я знаю один случай, когда купец проигрался в Булуне дочиستا и только за дорогу от Булуна до Якутска отыгрался.

По словам одного купца, он ежегодно выигрывает только в «преферанс» от 800 до 1 000 руб. Я знаю купца, который, по его собственным словам, благодаря картам стал купцом. Играют в «21», «штосс», «преферанс», «подход», «парус», «буру», «стуколку». Сильно развита игра в лото. Играют крупно и азартно. В Булун специально приезжают «гастролеры» по карточной игре, прошедшие полный курс наук в Якутской и других тюрьмах.

Я знаю случай, когда один купец вошел в сделку с заведомым шулером. Они вдвоем прогастролировали по якутам. Такой объезд очень дорого обошелся якутам, болезненная страсть которых к карточной игре общеизвестна.

Устройство карточных вечеров с лото — очень выгодная вещь. За разбитую колоду карт хозяева получают три рубля, при игре в лото хозяин пользуется двумя картами бесплатно, что при счастье дает немало. Мне известны случаи, когда хозяева получа-

ли чистого дохода от карточного вечера до 200 руб.

В Булуне нет ни одного местного жителя, который бы не устраивал у себя несколько раз за зиму карточного вечера. В течение всей зимы нет ни одного дня, чтобы кто-нибудь не устроил карточного вечера. Родители на игру в карты детей смотрят благосклонно. Я знал 12-летнего мальчуганя-якута, который в карточном булунском мире считается хорошим игроком. Проиграть он много не может, так как ничего не имеет, но я знаю случаи, когда он выигрывал по 200 руб. и более.

На дню устраивают по несколько игр, переходя из юрты в очередную юрту. С 10–11 часов утра по игрокам уже бегают мальчишки, приглашая играть в лото к кому-нибудь.

По откровенному замечанию одного купца, без карт и лото он «пропал бы — читать не могу, не привык, а больше что делать? Как это Вы можете целыми днями сидеть за книгами? И не скучно», — часто говорили мне булунцы. На мое замечание, как это они могут проводить целый день за лото или картами, мне серьезно отвечали: «За лото веселье. За книгой спать хочется».

Лото и карты заполняют весь интерес местного населения. Вся общественность местного населения заключается только в этом. Все разговоры, как около оси, вертятся возле лото и карт, проигрыша и выигрыша. Все хорошо помнят, кто сколько и когда и у кого на вечерах проиграл или выиграл.

В первый год моего пребывания в Булуне мне посчастливилось гулять на трех свадьбах. Дом под свадьбу во всех трех случаях брался большой, так как здесь принято приглашать на свадьбу всех, даже малознакомых (незнакомых нет, в Булуне все знакомы).

На первых двух свадьбах у меня получилось впечатление, что я нахожусь в доме больного.

В переднем углу, под образами сидели молодые, по обе стороны от молодых сидели родные, а дальше вдоль по всем четырем сторонам сидели гости, мирно, вполголоса беседуя. Каждому вновь прибывшему гостю сейчас же подается стакан чаю. Грянет музыка (скрипка, балалайка и гитара), и начинаются танцы. Танцуют здесь «кадриль», «краковяк», устарелую польку, русскую и

лезгинку, высшей степени что-то курьезное.

Когда музыка заиграла лезгинку, я с интересом ждал танца и был очень удивлен, увидав только намек на танец лезгинку. Старались веселиться, но не чувствовалось веселья. Танцуют с таким серьезным выражением, как будто священнодействуют, а не веселятся. Только на третьей свадьбе было действительно непринужденно весело. На свадьбе были и песни, и игры. Пели: «Коробушку» («Ой, полным-полна коробушка»), «В хороводе были мы» и несколько других народных песен. Играли в фанты и дрему. Посредине комнаты ставится стул, и на него садится кто-нибудь. Остальные, взявшись за руки, начинают ходить кругом и петь:

«Сидит дрема, сидит дрема,
Сама дремлет, сама спит»...

Песню, к сожалению, я не могу записать, так как никто не соглашался продиктовать ее мне. Игра кончается тем, что сидящему предлагают в песне, кого хочет поцеловать, «сколько хош». На стул снова садится тот, кого поцелует «дрема». С первых двух свадеб я сбежал, не дождавшись конца. На третьей свадьбе я просидел до конца. Кажется, в 1 или 2 части был подан ужин. Ужин был обилён, со многими блюдами. Наконец был кончен ужин, и все гости, как один человек, устремились к молодым, поблагодарили их за руку за ужин и стали одеваться и уходить.

У меня получилось такое впечатление, что все только и ждали, чтобы поесть и идти домой спать. Я так растерялся, что не знал, что мне делать. Выручил меня молодой, вступив со мной в разговор. Пока мы разговаривали, из гостей никого не осталось. Впоследствии мне пришлось то же самое наблюдать и на вечерах, и на именинах. Как поужинали, сейчас же начинают прощаться и уходить. «Так здесь принято, такой обычай».

На святках маскируются. За неимением масок лицо закрывают редкими платками, темной густой вуалью и т. д. Так как у булунцев сильно развита память на предметы и на голос, то маски никогда не разговаривают. Стоит маске произнести хоть одно слово, и она будет узнана. Явившись, маски молча здороваются, молча, если есть музыка, станцуют один-два танца и, ни слова не

промолвивши, уходят¹.

Хозяева стараются узнать маску по фигуре, по походке, по вещам, по тому, как танцует маска и т. д., и редко ошибаются. При этом хозяева вслух разбирают маску, указывая, чьи вещи надеты на маске, вплоть до мелочей, в виде пояса или галош. В один вечер одна и та же маска переодевается в несколько костюмов и бывает очень рада, если ее хоть раз за вечер не узнают. В этом, как видно, и заключается весь интерес для маскирующихся. Угощать принято масок конфетами и папиросами. Папиросы берут все, даже некурящие, а хозяева зорко следят за тем, кто как курит, и некурящего сразу узнают.

Других каких-либо развлечений в Булуне нет.

За три года учитель местной школы ни разу не хотел устроить для детей елки, хотя я ему каждый год говорил, что готов принять часть расходов по елке на себя.

Не умеют, да и не хотят булунцы веселиться. Карты, лото да пушнина — вот заколдованный круг, в котором бьется темная душа булунца, не думая и не желая из него выбиться.

Даже настоящая историческая волна, всколыхнувшая весь мир сверху до низу, — тихим плеском докатилась до Булуна. Даже с каждым днем растущая дороговизна мало трогает булунцев. Большинство булунцев — торговцы и как таковые рассуждают так: «Ведь нашему потребителю-инородцу чай, сахар, табак и т. д. надо, а раз мы сами купим дороже, то и продадим дороже».

В начале войны, когда ко мне кто-нибудь из булунцев обращался с вопросом — «как война идет?» — я старался подробно ознакомить спрашивающего о положении, но мои подробные объяснения совершенно не интересовали спрашивающего, и он старался перейти к другой, более для него интересной, теме. Задавался же мне вопрос о войне просто потому, что булунец не знает, о чем со мной начать разговор. Они знают, что ни

карты, ни лото, ни их мелкие соседские делишки, в большинстве случаев сплетни, для меня не интересны, а то, что для меня было бы интересно из их деятельности, они тщательно скрывают по определенной причине: «в газете пропечатать», а для булунца попасть в газету хуже смертного греха.

Впоследствии я стал отвечать: в старом положении «хорошо», «плохо» и т. д., и это вполне удовлетворяло булунца. Я иногда сознательно отвечал «плохо» в такой надежде, а не спросит ли булунец, чем плохо, но ни разу не дождался.

Большинство булунцев выписывало из Якутска прекратившуюся теперь газету «Ленский край», но телеграммы почти никогда не читались, но с большим интересом просматривались только «хроника», да корреспонденция, в тайной надежде найти кого-нибудь из знакомых «пропечатанным». Если газета доставляла им искомое, то это долго служило темой для разговора, чем наступление или отступление на фронте.

«Пропечатанный» в газете обличен для булунцев в плоть и кровь, много говорящий их уму и сердцу, а то, где гибнут миллионы, слишком далеко, не говорящее ни уму, ни сердцу.

Не всколыхнула и война булунца.

VI

Религия булунца — смесь христианства и всяческих предрассудков вплоть до веры в шамана и его силу.

В Булуне имеется новая, не особенно давно выстроенная, церковь «Во имя Спаса», взамен пришедшей в ветхость часовни. Здесь живет причт.

Местное население ежегодно говеет, причащается и т. д. Все праздники строго исполняются, обязательно ходят к обедне. Работать в праздник грех (устроить карточные вечера можно). Часто служат молебны. В большие праздники (пасха, рождество, новый год и т. д.) священник ходит по домам с молитвой. Такого обилия икон, как в Булуне, я нигде не встречал. Есть дома, где иконы занимают целый ряд по всей стене. Перед каждой иконой прилеплено по восковой свече, перед главной иконой висит и лампада. Накануне и в самый праздник перед образами обязательно зажигают свечи. Но все это наружная сторона принятого христианства. Внутренне же булунец далек

¹ Булунская «маскировка» — калька северо-русской традиции первой недели святых: «святых вечеров», когда было принято одеваться именно красиво, закрываясь платками и вуалью, в отличие от второй недели «страшных вечеров» с демонстрацией пугающих масок, вывороченных тулупов и т. п. (см., например: [Петрова, Рычкова 2022: 175–182]).

от христианства.

Вера в нечистую силу, в абахи (злой дух), в блуждание души умершего около своего дома, в силу шамана, в приметы и т. д. сильно развита среди населения Булуна.

В 1913 г. у вдовы местного священника от ангины острой формы умер сын (7–8 лет). Вскоре после смерти ребенка захворала дифтеритом дочь (10–11 лет). После антидифтерийной прививки девочка стала поправляться и вскоре совсем выздоровела. Во время болезни дочери мать обратилась с просьбой к ссыльным Б-нову и З. поменаться квартирами. В основу своего предложения положила, якобы, заявление фельдшерицы, что нужно съехать с квартиры, а то захворают и остальные дети. По наведенной справке у фельдшерицы — ничего подобного та не говорила. Ссыльные Б-нов и З. отказали. Но вдова священника все-таки съехала на другую квартиру.

У якутов существует вера, что умерший обращается в уора, который, находясь поблизости от места своего жития и погребения, приносит вред оставшимся в живых и находящимся в районе блуждания уора родственникам. В настоящее время якуты держатся того мнения, что души некоторых покойников, не желая удаляться от своих прежних жилищ, блуждают около них (Троцанский. «Эволюция черной веры у якутов», стр. 82)¹.

Якуты после смерти родственника всегда стараются покинуть то место, где жил покойник.

Вдова священника в веровании недалеко ушла от якутов. Истинная, как видно, причина (отчасти это подтвердила ее теща) просьбы поменаться квартирами, боязнь нажить в умершем сыне уора, который принесет или даже уже начал (болезнь дочери) приносить оставшимся вред.

Некоторыми действиями можно накликать беду. Нельзя, например, свистеть, когда плывешь в лодке на реке — поднимается буря. «Она, матушка (р. Лена), не любит свиста», — серьезно сказал мне булунец, когда я посмеялся. Я знаю такой случай.

Товарищ Г. весной 1915 г. жил в селении Кисюр (наискось Булуна на другой стороне р. Лены). В один из хороших, тихих дней он в обществе нескольких булуновцев и якутов собрался плыть в Булун. Пока они собира-

лись, начал дуть легкий северный ветер, постепенно усиливаясь. «Мы поплыли», — рассказывает товарищ, — «я начал насвистывать. Не отплыли мы и 200 с.², как ветер усилился еще. Якуты с булуновцами что-то оживленно заговорили по-якутски, указывая на меня. Неожиданно лодку повернули обратно. Не зная, в чем дело, я стал доказывать, что мы вполне благополучно переплывем, что буря не настолько сильна, чтобы нельзя было плыть, но ничего не помогло, мы пристали обратно к Кисюру. Только на берегу мне объяснил один булунец, когда я снова стал говорить, что плыть можно, не поплыли они потому, что я своим свистом вызвал бурю». Нельзя во время неводы говорить «Ух, как много рыбы». Если «ухнешь», то не будет рыба ловиться. Нельзя также «ухать» и кричать, когда плывешь или едешь, идешь под горой; «дух» горы сердится и может сбросить камень на «ухающего».

Запрещается после смерти мужа и вообще родственника сорок дней шить, чтобы «глаза не зашить».

Все это заимствовано от окружающих якутов.

Один булунец с горечью жаловался мне, что в старину больше было «обычаев» и строже они исполнялись.

У одного местного купца заболела сильным нервным расстройством, «с ума сошла», дочь. Была приглашена фельдшерица, но параллельно с лечением фельдшерицы обратились и к шаману. И над больной, которой требовался покой и только покой, шаман с бубном в руках вел борьбу со злым духом, выгонял его из больной.

Зайдя как-то к одному булуновцу, я увидел большую, более аршина, деревянную стрелу, покрытую всю золотой бумагой. Я спросил, для какой цели служит такая стрела. Мне объяснили, что новобрачным устраивают над кроватью полог, который и перекладывается через стрелу. «Такой обычай, от стариков заведен». Что же должна символизировать стрела, не объяснили, и видно было, что мои расспросы неприятны.

Мне часто приходилось видеть у булуновских детей привязанные на шею старинные серебряные монеты, ладанки, корень, какого-то растения и т. д. Это все амулеты «для счастья».

Недавно один местный житель, с кото-

¹ Речь идет о книге [Троцанский 1902].

² Сажень (?). — Л. В., А. С., С. Ф.

рым я беседовал о местных обычаях, рассказал мне следующую легенду.

«Видели ли Вы около Жиганска гору, называется она «Аграфена»^{*}. Так вот: говорят, в старину было три проклятых Богом сестры, вот они и поселились на горах в разных местах, чтобы делать зло людям. Одна поселилась где-то вверху на «Сумасшедшем Быке» или на «Пьяном Быке» — не знаю хорошо. Другая на «Аграфене», а третья — внизу на «Столбе». Так вот, давно это было, еще пароходы на Булун не ходили. Рыбаки и купцы спускались из Якутска сюда на паузках и обратно поднимались гужем на паузках же. Когда паузок подходит к «Аграфене», то хозяин устраивает для рабочих «пир». Варят хороший обед, подносят водки и т. д. Делают затем из бересты небольшую, вот как ребятишки играют, лодочку, сажают в нее куклу, снабжают всякой провизией и спускают на воду в подарок «Аграфене», чтобы она благополучно пропустила мимо себя. И это обязательно делалось всеми мимо проходящими в оба пути паузками, какюками и т. д. Когда первый пароход проходил мимо «Аграфены», то никакого подарка не послал. Вдруг с горы стал кто-то кричать человеческим голосом. Крик слышался явно, но никого не было видно. Это не к добру. Не иначе, как с кем-нибудь случилось несчастье», — закончил свой рассказ булунец.

— Да, может, там был человек.

— Нет. Смотрели в «трубу», в бинокли, но никого не видели. Да никто на эту гору и не пойдет, боятся. Якуты близко боятся проезжать. Может, все это и врут, кто его знает, правда это или нет. Не знаю, закончил он, но видно было, что сам-то он верит.

Легенду о горе «Аграфена» я слышал, когда ехал на пароходе в 1913 г. в Булун, но в другом варианте.

В лесу и поле обитает «чудечко», которое «пугает» одиноких. Я никогда не видал, чтобы булунец отправился, например, за морошкой один. Ходят всегда большими компаниями.

На масленицу в 1914 г. организовали катание на оленях в Кисюре. Поезд был большой. На обратном пути из Кисюра в Булун один купец-якут дорогой пересел на другую

^{*} Жиганск — заштатный город Якутской области выше Булуна в 700 в. «Аграфена» в 50 в. выше Жиганска.

нарту, а оленей отправил с работником. Не успел работник отъехать ста сажень с места пересадки, как олень-вожак чего-то испугался, кинулся в сторону, налетел на льдину и разбился. В тот день на вечере булуницы говорили мне, что смерть шла к хозяину, но так как тот перешел на другую нарту, то олень и принял на себя смерть^{**}.

Булунец, приняв христианство, в душе остался язычником, как и его далекие предки. Агабить^{***} (священник) — уважаемое лицо, но и шаман пользуется почетом. Душа булунца бродит в потемках. Предрассудки, суеверия, обычаи обуяли ее.

И трудно ждать в ближайшем времени просветления ее.

с. Булун

1916 г. Июль

А. В. Боголепов

4. Заключение

Историко-культурной особенностью Якутии рассматриваемого в статье периода начала XX в. было наличие среди сосланных по политическим статьям достаточно образованных людей, ориентированных на изучение окружающей их среды. Представители данной прослойки продолжили сложившиеся традиции научного, в том числе этнографического, обследования края, художественного и публицистического освещения нравов и повседневной жизни коренного населения. Впоследствии, за известными всей читающей публике «якутскими материалами», свет увидели воспоминания и записи других политических ссыльных, прежде всего представлявших социал-демократическое и позже большевистское крыло политических движений. Рукопись расстрелянного в 1937 г. бывшего эсера А. В. Боголепова до настоящего времени не входила в круг востребованных и опубликованных.

Между тем записки человека, бесспорно обладавшего способностями к академическим системным наблюдениям, о чем свидетельствует лестный отзыв из Императорской академии наук на его коллекцию флоры Булуна, заслуживают внимания и доверия как прямой источник для реконструкции зимней повседневности и социально-экономической истории. Всеобъемлющее

^{**} См. в газ. «Сибирская жизнь» за 1913 г. № 267 мою заметку: «По Ленге».

^{***} В слове «Агабить» «г» надо читать как латинское или как в слове «Господи».

воздействие на человека холода в сочетании с сокращением светового дня наиболее заметно на примерах заполярных районов Якутии. Особое впечатление зимняя повседневность арктических и северных поселений производила на лиц, вынужденно оказавшихся на поселении в отдаленных малых сообществах, где территориальная изолированность и замкнутость местных сообществ сильно ограничивала возможности коммуникаций и досуга.

Как видно из рукописи, специфика заполярной зимы воздействовала на психоэмоциональное здоровье человека, поражая его нервную систему, формируя локальные нервные заболевания. Известно негативное влияние длительной темной холодной зимы в целом на самочувствие и мировосприятие. Так, для литературоведов, вероятно, будет интересным сравнить стиль и тональность якутских записей А. В. Боголепова: в начале своего длительного путешествия на Север он публикует в газете крохотные путевые заметки. Они наполнены живым интересом, ярким художественным восприятием экзотических обычаев коренного населения края. Через три года записи тяготеют к более сдержанному, педантичному описанию быта окружающих людей.

Думается, что внимания специалистов заслуживают все подмеченные сюжеты повседневной жизни селения Булун. Они дают богатую пищу для размышлений и изыска ний по многим гуманитарным направлениям: специфические черты населения, живущего на этнокультурном фронтире с его религиозным синкретизмом и окраинным прагматизмом; уникальная сохранность этнической архаики, присущая географическим изолятам; локальные вариации русских крестьянских традиций в переплетении с угнетающей убогостью времяпровождения в условиях заполярных зим. Архив документов XVIII столетия, хранящийся в ужасающей небрежности в Жиганской инородной управе, с которых А. В. Боголепов

сделал ряд копий; упоминания о сборе ма-монтовых бивней на Севере Якутии, свидетельства о нелегальной торговле алкоголем среди аборигенного населения и механизмах грабительского бартера — текст привлекателен широтой освещаемых вопросов, созвучностью тем социальным и культурным проблемам, которые существовали в тот период и были обсуждаемы передовой общественностью.

Имена ее представителей, соприкоснувшихся с условиями жизни людей в якутской «тюрьме без решеток» — в краю всеобъемлющего холода, широко известны: это правозащитник и писатель В. Г. Короленко, врач-подвижник С. А. Мицкевич, в чьих публикациях обнаруживаются параллели с тематикой представляемой рукописи. Благодаря подобной созвучности и «перекличке» ее текст обогащает, углубляет научное знание о зимней повседневности в заполярных поселениях, подтверждает сложившиеся в рамках нашего проекта «Антропология холода: естественные низкие температуры в системе жизнеобеспечения сельских сообществ Якутии (традиционные практики, вызовы современности и стратегии адаптации)» гипотезы о регулирующем повседневность характере естественных низких температур, о доминирующей роли холода в конструировании зимней (а в какой-то степени и летней) повседневности на Севере.

В целом наблюдения А. В. Боголепова за повседневной обыденностью обывателей поселения Булун интересны, помимо всего, как документ персонального восприятия холодовых реалий длительной зимы в высоких широтах. Созвучность текста достоверным свидетельствам из других источников, бесспорно, повышает ее репрезентативную ценность. Несомненно, как комплексное описание северного социума, рукопись А. В. Боголепова вдохновляет на дальнейшее глубокое междисциплинарное и историко-сравнительное исследование.

Полевые материалы авторов

- ПМА 2014: Инф. 1 — жен., эвенкийка, 1949 г. р. Экспедиция в Булунский улус (район) Республики Саха (Якутия), 2014 г.
ПМА 2019: Инф. 2 — жен., якутка (саха), 1954 г. р. Экспедиция в Усть-Алданский улус (район) Республики Саха (Якутия), 2019 г.

- ПМА 2019: Инф. 3 — муж., якут (саха), 1943 г. р. Экспедиция в Булунский улус (район) Республики Саха (Якутия), 2019 г.
ПМА 2023: Инф. 4 — муж., якут (саха), 1940 г. р. Экспедиция в Амгинский улус (район) Республики Саха (Якутия), 2023 г.

Authors' Field Data

- Informant 1: Ethnic Evenk (Ewenki), female, b. 1949. Expedition to Bulunsky District (Republic of Sakha (Yakutia), Russia), 2014. (In Russ.)
 Informant 2: Ethnic Yakut (Sakha), female, b. 1954. Expedition to Ust-Aldansky District (Republic of Sakha (Yakutia), Russia), 2019. (In Russ.)

Источники

- АРАН — Архив Российской академии наук.
 ГА АК — Государственный архив Алтайского края.
 ГА ИО — Государственный архив Иркутской области.
 ГА КК — Государственный архив Красноярского края.
 НА РС (Я) — Национальный архив Республики Саха (Якутия).
 СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук.

Литература

- 100 лет 1934 — 100 лет якутской ссылки: сборник якутского землячества. Б. м.: Всесоюз. о-во политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1934. 394 с.
 Боголепов 1913 — *Боголепов А.* По Лене // Сибирская жизнь. 1913. № 267. С. 2.
 Булун 1891 — Булун. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона: в 86 тт. Т. IVа: Бось-Бунчук. СПб.: Семеновская типо-лит. И. Ефрона, 1891. 486 с. [электронный ресурс] // Словари на Академике. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/17305/Булун (дата обращения: 25 октября 2023 г.).
 Бунге 1895 — *Бунге А. А.* Описание путешествия к устью р. Лены 1881–1884 гг. доктора А. Бунге // Труды Русской полярной станции на устье Лены. Ч. 1: Астрономические и магнитные наблюдения за 1882–1884 гг. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1895. 361 с.
 Бычков 1899 — *Бычков А.* Очерки Якутской области с устья реки Лены: путевые заметки. Томск: Паровая Типо-лит. П. И. Макушина, 1899. 74 с.
 Виташевский 1911 — *Виташевский Н. А.* Из области первобытного психоневроза // Этнографическое обозрение. 1911. № 1–2. С. 180–228.
 Гурвич 1966 — *Гурвич И. С.* Этническая история Северо-Востока Сибири. М.: Наука, 1966. 269 с.
 Дьяченко 2014 — *Дьяченко В. И.* Академические экспедиции на арктическое побережье Якутии в конце XIX – первой трети XX века и долганские коллекции в собраниях Кун-

- Informant 3: Ethnic Yakut (Sakha), male, b. 1943. Expedition to Bulunsky District (Republic of Sakha (Yakutia), Russia), 2019. (In Russ.)
 Informant 4: Ethnic Yakut (Sakha), male, b. 1940. Expedition to Amginsky District (Republic of Sakha (Yakutia), Russia), 2023. (In Russ.)

Sources

- Archive of the Russian Academy of Sciences (Moscow).
 Archive of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg Branch.
 National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia).
 State Archive of Altai Krai.
 State Archive of Irkutsk Oblast.
 State Archive of Krasnoyarsk Krai.

- сткамеры // Иллюстративные коллекции Кунсткамеры. Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. 59. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 33–56.
 Зензинов 1916 — *Зензинов В. М.* Очерки торговли на севере Якутской области: С 20 рис. в тексте и геогр. картой. М.: Наука, 1916. 97 с.
 Короленко 1971 — *Короленко В. Г.* Собрание сочинений в шести томах. Т. 1: Рассказы и очерки. М.: Правда, 1971. 508 с.
 Кулаковский 2002 — *Кулаковский А. Е.* Якутской интеллигенции. М.: Арт-Флекс, 2002. 328 с.
 Маак 1994 — *Маак Р. К.* Вилуйский округ. М.: Яна, 1994. 592 с.
 Мицкевич 1929 — *Мицкевич С. И.* Мэнэрик и эмиряченье: Формы истерии в Колымском крае. Л.: АН СССР, 1929. [5], IV, 53 с.
 Петрова, Рычкова 2022 — *Петрова Н., Рычкова Н.* Страшный, таинственный, разный Новый год. От Чукотки до Карелии: старинные легенды, магические обряды, праздничные обычаи народов России. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2022. 256 с.
 Серошевский 1993 — *Серошевский В. Л.* Якуты: опыт этнографического исследования. 2-е изд. М.: [б. и.], 1993. 713 с.
 Солженицын 2006 — *Солженицын А. И.* Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956: опыт художественного исследования. Т. 3. Ч. V–VII. Екатеринбург: У-Фактория, 2006. 630 с.
 Трошанский 1902 — *Трошанский В. Ф.* Эволюция черной веры (шаманства) у якутов. Казань: Типо-лит. Казанского Имп. ун-та, 1902. 228 с.
 Худяков 1969 — *Худяков И. А.* Краткое описание Верхоянского округа / под ред. В. Г. Базанова. Л.: Наука, 1969. 437 с.

References

- Bogolepov A. Down the Lena. *Sibirskaya zhizn'*. 1913. No. 267. P. 2. (In Russ.)
- Bulun. In: Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary. In 86 vols. Vol. IVa: Босъ-Бунчукъ. St. Petersburg: I. Efron, 1891. 486 p. On: Academic (dictionaries and encyclopedias). Available at: https://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/17305/Bulun (accessed: 25 October 2023). (In Russ.)
- Bunge A. A. Dr. A. Bunge's travel of 1881–1884 to the Lower Lena. In: Proceedings of the Russian Polar Station in the Lena Delta. Pt. 1: Astronomical and Magnetic Observations, 1882–1884. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1895. 361 p. (In Russ.)
- Bychkov A. Essays on Yakutsk Oblast from the Lower Lena: Travel Notes. Tomsk: P. Makushin, 1899. 74 p. (In Russ.)
- Dyachenko V. I. Academic expeditions to the Arctic seashore of Yakutia (1880s–1930s), and Dolgan Collections of the Kunstkamera. In: Prishchepova V. A. (ed.) Illustrative Collections of the Kunstkamera (Collected Works of Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography 59). St. Petersburg: Museum of Anthropology and Ethnography (RAS), 2014. Pp. 33–56. (In Russ.)
- Gurvich I. S. Ethnic History of Northeastern Siberia. Moscow: Nauka, 1966. 269 p. (In Russ.)
- Khudyakov I. A. Verkhoyansky District: A Brief Description. V. Bazanov (ed.). Leningrad: Nauka, 1969. 437 p. (In Russ.)
- Korolenko V. G. Collected Writings. In 6 vols. Vol. 1: Short Stories and Essays. Moscow: Pravda, 1971. 508 p. (In Russ.)
- Kulakovskiy A. E. To the Yakut Intelligentsia. Moscow: Art-Flex, 2002. 328 p. (In Russ.)
- Maack R. K. Vilyuysky District. Moscow: Yana, 1994. 592 p. (In Russ.)
- Mitskevich S. I. *Menerik and Emiryachenie*: Forms of Hysteria in Kolyma Krai. Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1929. [5], IV, 53 p. (In Russ.)
- Petrova N., Rychkova N. The Weird, Mysterious, Various New Year. From Chukotka to Karelia: Olden Legends, Magic Rites, Feast Customs of Russia's Peoples. Moscow: MIF, 2022. 256 p. (In Russ.)
- Seroshevskiy V. L. Yakuts: An Ethnographic Study. Second edition. Moscow, 1993. 713 p. (In Russ.)
- Solzhenitsyn A. I. The Gulag Archipelago, 1918–1956: A Literary Study. Yekaterinburg: U-Faktoriya, 2006. Vol. 3. Pts. V–VII. 630 p. (In Russ.)
- The Centenary of the Yakut Exile. Collected papers. Society of Former Political Prisoners and Exiled Settlers, 1934. 394 p. (In Russ.)
- Troshchanskij V. F. The Evolution of Black Faith (Shamanism) among Yakuts. Kazan: Imperial Kazan University, 1902. 228 p. (In Russ.)
- Vitashevskiy N. A. An example of primitive psychoneurosis. *Etnograficheskoe obozrenie*. 1911. No. 1–2. Pp. 180–228. (In Russ.)
- Zenzinov V. M. Trade in the Northern Parts of Yakutsk Oblast: Essays. Moscow: Nauka, 1916. 97 p. (In Russ.)

